

В. Г. Белинский

**Песни Т. м. ф. а... Елисавета
Кульман. Фантазия. Т. м. ф. а...**

Виссарион Григорьевич Белинский Песни Т. м. ф. а... Елисавета Кульман. Фантазия. Т. м. ф. а...

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2827945*

Аннотация

«...наша критика (если только она есть) не может назваться бедною, истощенною труженицей, сколько потому, что у нас мало деятельных писателей, столько и потому, что у наших писателей деятельность редко бывает признаком силы и разносторонности таланта, что, прочтя и оценив одно их произведение, можно не читать и не оценивать остальных, как бы много их ни было, в полной уверенности, что они пишут одно и то же, и всё так же. Нам кажется, что г. Тимофеев принадлежит к числу таких писателей. Чего не пишет он, каких стихотворений нет у него!.. И повести, и фантазмагии, и песни, и с рифмами и белыми стихами, и с припевами и без припевов, и, наконец, с затейливыми посвящениями отцам, матерям, дядьям, братьям, сестрам, несчастным, русским и пр. и пр...»

Содержание

Комментарии

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Песни Т. м. ф. а...
Елисавета Кульман.
Фантазия. Т. м. ф. а...**

ПЕСНИ Т. м. ф. а.⁽¹⁾ Часть первая. Издание второе, пополненное. Санкт-Петербург. Печатано в типографии Х. Гишце. 1835. 178. (8). С эпитафюм:

*Faut-il gemir, faut-il chanter?
Chantons!*

Lamartine¹.

*ЕЛИСАВЕТА КУЛЬМАН. Фантазия. Т. м. ф.
а. Санкт-Петербург. Печатано в типографии Х.
Гишце. 1835. 135. (8). С эпитафюм:*

*«Бог послал ее на землю не для того, чтобы
оставить здесь, но чтобы показать людям свое
творение».*

Надпись на памятнике Кульман.

Г-н Тимофеев принадлежит к числу самых деятельных и неутомимых наших поэтов: стихотворение за стихотворением, фантазия за фантазиею, повесть за повестью – успевай только читать! – Право, с таким трудолюбием, с такою неуто-

мимостью можно поставить критику в совершенный тупик: бедная не в силах будет следить за развитием поэта и преследовать его успехи... Но наша критика (если только она есть) не может назваться бедною, истощенною труженицей, сколько потому, что у нас мало деятельных писателей, столько и потому, что у наших писателей деятельность редко бывает признаком силы и разносторонности таланта, что, прочтя и оценив одно их произведение, можно не читать и не оценивать остальных, как бы много их ни было, в полной уверенности, что они пишут одно и то же, и всё так же. Нам кажется, что г. Тимофеев принадлежит к числу таких писателей. Чего не пишет он, каких стихотворений нет у него!.. И повести, и фантазмагии, и песни, и с рифмами и белыми стихами, и с припевами и без припевов, и, наконец, с затейливыми посвящениями отцам, матерям, дядьям, братьям, сестрам, несчастным, русским и пр. и пр. Он подделывается и под мысль, и под чувство, хочет взять то странностию, то затейливостью, вычурностью, то простотою, безыскусственностью – и что же? – ничто не удастся!.. Несмотря на все видимое разнообразие его произведений, они чрезвычайно похожи друг на друга, они все сравнены уровнем посредственности. В некоторых из его стихотворений легко заметить блески ума; но чувства, но фантазии – нет и следов!

Взглянем на некоторые из его песен и спросим всякого, справедливо ли наше мнение об нем или ложно, беспристрастно или пристрастно.

Здесь все мрачно, все здесь дико,
Всюду пусто, всюду тихо.
Каркай, ворон, квакай, жаба,
Пойте, войте, духи ада!

Каркай, демон, квакай, жаба,
Пойте, войте, духи ада!
Всюду мрачно, всюду тихо,
Все здесь пусто, все здесь дико!

Первым из этих куплетов начинается, а вторым оканчивается пьеса «Отверженный». Вы думаете, что герой этой пьесы есть какой-нибудь злодей, мучимый терзаниями совести; ничего не бывало – это просто несчастный человек, с которым никто не делился душою, которого никто не хотел приглубить. Где ж здравый смысл, где логика? Разве искусство состоит в отсутствии здравого смысла, разве чувство идет наперекор логике?.. Нет, милостивые государи, когда дело идет о творчестве, ум ошибается против логики здравого смысла, а чувство всегда согласно с нею. Вам теперь смешно стихотворение Ломоносова «Заблудившийся Амур»^[2], а в свое время оно считалось чудом, дивом человеческого гения: что ж это значит? а то, что ум сделал глупость; напротив, все, созданное чувством, никогда не может казаться смешным, никогда не может устареть и обветшать. Обращаюсь к этим двум куплетам; не мечутся ли они в глаза своей

дикой странностью, свою нелепой нескладицей! Разве пародия на два стиха Мицкевича есть поэзия?^[3] Разве придуманная дикость есть фантастическое? Разве *демоны каркают?*..

Спи, малютка,
Спи спокойно,
Баю, баиньки, баю!
Жили, были
Брат с сестрою.
Демон в брата
Поселился;
Брат в сестрицу
Вдруг влюбился.
Клара с братом
Разлучилась,
Клара в келью
Заклучилась.
Спи, малютка,
Спи спокойно,
Баю, баиньки, баю!

.....

В мрачном лесе
Через месяц
Путник встретил
Труп холодный.
Труп был черен,
Уголь углем;
Вместо носа

Кость да яма,
Рот исклеван
Ястребами;
Лоб источен
Весь червями;
Возле трупа
Нож булатный...
Спи, малютка,
Спи спокойно,
Баю, баиньки, баю!

Конечно, от этих стихов и взрослый заснет спокойно и крепко, тем более младенец; но скажите, бога ради, к какой стати петь над колыбелью невинного существа о таких отвратительных мерзостях? – Пьеска эта посвящена «любительницам чрезвычайно странного»^[4] и это не добре: лучше бы посвятить ее вообще всем «любителям нелепого»!

Грамматика

Если б можно было сделать,
Чтоб, в *грамматике* людей,
Бог дал более *согласных*
И поменьше *запятых*;
Чтоб отныне и вовеки,
С разрешения судьбы,
Существительное имя
Было *истина* у всех,

С прилагательным – святая
И с числительным – одна,
Без пустых местоимений,
И без грозных *надежей!*
Чтоб *наречье* было просто,
Как наречие детей,
Без страдательных глаголов,
Без *предлогов*, без прикрас;
Чтоб *союз* и был союзом,
А не вывеской одной,
Без условного *уж если б*
И холодного *или*;
Чтоб святое *междометье*
Вылетало от души,
А не так, как ныне в свете!..

.....

.....

И тогда уж из людей
Мы бы стали снова дети,
Но счастливее детей!..^[5]

И это стихотворение написал *поэт, художник*, словом, человек с талантом, с дарованием?.. Если так, то, признаюсь, кто ж не поэт, что не поэзия? – Такая холодная, такая полезная аллегория – откуда она вырыта?.. Уж не из погребов ли Сумароковых, Грамматиных, Николевых? – Или и в самом деле поэзия есть забава, игрушка, невинное препровождение времени?.. Может быть – для *иных?*

Перелистываю все стихотворения г. Тимофеева и вижу, что он иногда не чужд идей, как, например, в «Свободе художника», «Хандре», «Наполеоне» и пр.; но все эти идеи не проходят чрез фантазию; все мертво, холодно, бездушно, вяло; все показывает, что он *делает* свои стихи и, может быть, дойдет до искусства делать их хорошо, не будет позволять себе, для рифмы, слов, подобных «юбилеем» (вместо празднуем), а для меры – усечений вроде «Италья», «Флоренция» и пр. Но поэтом, художником он никогда не будет, потому что до этого нельзя достигнуть ни навыком, ни ученьем, ни прилежанием, ни даже смертельною охотою.

Из всех песен г. Тимофеева нам показалась одна «Простодушный», не по своей художественности, а по какой-то наивности. Вот она:

Говорят, есть страна,
Где не сеют, не жнут,
Где всё песни поют.

Где мужья видят жен
В месяц раз, много два;
Где все песня одна...

Где живут так и сяк,
Чтоб блеснуть да пожить,
Да поесть, да попить.

Где умен, кто силен;
Все отцы чудаки,
Где все носят очки.

Где все есть напрокат:
И друзья и жена,
И парча и родня.

Где все лезет, ползет,
Тихомолком, тайком,
Все бочком, червячком.

Где сквозь солнце льет дождь,
Где всегда маскарад:
Пой, пляши – рад не рад.

Где ж она, та страна
Где не сеют, не жнут,
Все поют да ползут?

Все, что мы сказали о г. Тимофееве как поэте, по поводу его мелких стихотворений, все это оправдывается, как нельзя лучше, и его фантазией «Елизавета Кульман». Это произведение решительно ничтожно. Автор имел претензию возвысить нашу душу, умиливать и растрогать, представив нам гения, помазанника провидения, и – насмешил до слез. Этак не поминают покойников!..

Г-н Тимофеев, в нескольких поэтических картинах, пред-

ставляет нам развитие внутренней жизни гениальной девушки. Но что такое гениальная девушка? Амалия, Миньона, Текла?..^[6] Это вопрос посторонний, и мы почитаем неприличным рассматривать его теперь. Скажем только, что г. Тимофеев представляет нам душу гения-поэта, гения-художника – и его пьеса не есть поэтический анализ души художника: нет, это какая-то фантазмагория, смелая по своей идее, достойная бога Аполлона и опасная для Икаров... но у г. Тимофеева достало смелости взять на себя выполнение такой идеи! – Надо сказать, она необыкновенна потому только, что требует слишком много одушевления, огня, роскошной фантазии. Дело в том, что у г. Тимофеева действуют гении, силы природы, принимающие на себя человеческие формы; у него является даже бедность в образе женщины. Согласитесь, что это мысль детская и по тому самому требующая фантазии молодой, игривой, пылкой. Да! много надо поэзии, чтобы сделать вероятным невероятное, истинным ложное, действительным волшебное. Я не буду всей разбирать «фантазии» г. Тимофеева, укажу только на одно место, которое показалось мне курьознее других. Гений разговаривает с Елизаветою Кульман и описывает ей аллегорически Грецию, как страну, в которую она должна направить свою деятельность и свои дарования; едва успел гений исчезнуть, как входит учитель Елизаветы и предлагает ей учиться по-гречески. «Елизавета в изумлении, стоит неподвижно от восторга; на глазах ее слезы. Она кидается в объятия учителя...»

Мы почитаем «фантазию» г. Тимофеева оскорблением памяти Елизаветы Кульман во всех отношениях. Елизавета Кульман, без всякого сомнения, была явлением необыкновенным, не как поэт, не как художник, а просто как какое-то чудо природы, какое-то странное и прекрасное отступление ее от своих обычных законов. Мы читали в «Библиотеке» статью г. Никитенки о Елизавете Кульман, статью живую, одушевленную, горячую;^[7] только нам показался неверным и ложным взгляд автора на Елизавету Кульман, как на поэта; приведенные им стихи показывают, что она не была даже версификатором, не только поэтом; несмотря на то, эта прекрасная статья заставила нас удивляться Елизавете, как чудесному и прекрасному явлению, промелькнувшему в мире падучею звездою. На память Елизаветы Кульман можно написать элегию или другое какое-нибудь лирическое стихотворение; но написать такую фантазмагорию и заставить все силы природы, небо, землю и ад, принять участие в жизни этой необыкновенной, но отнюдь не гениальной девушки, значит оскорблять ее память. Такого рода фантазмагория могла б представить Шекспира, Байрона, Шиллера, Гете, как таких людей, в гениальности которых убеждено все человечество; если б такая фантазмагория была и неудачна, по крайней мере в ней был бы смысл.

Должно, однако, присовокупить, что фантазия г. Тимофеева, лишенная даже призрака поэзии, написана очень гладкими и бойкими стихами; что и в ней, как во всех произведе-

дениях г. Тимофеева, играют не последнюю роль вороны: г. Тимофеев очень любит ворон!^[8]

Комментарии

1.

Автор рецензируемой книги А. В. Тимофеев.

2.

Имеется в виду стихотворение «Ночную темнотою покрылись небеса...» (1747, перевод стихотворения, приписываемого Анакреону).

3.

Возможно, Белинский имеет в виду подготовленный М. Вронченко перевод второй части поэмы А. Мицкевича «Праотцы» («Dziady»). «Невский альманах на 1829 год», СПб., 1828. Хор несколько раз повторяет здесь двустишие:

4.

У Тимофеева – «чрезвычайно страшного». Стихотворение называется «Колыбельная песенка».

5.

Стихотворение «Грамматика» имеет посвящение: «А. Х. В...ву то есть А. Х. Востокову».

6.

Амалия — персонаж драмы Шиллера «Разбойники»;
Миньона — персонаж романа Гете «Ученические

годы Вильгельма Мейстера». Текла — персонаж пьес Шиллера «Пикколомини» и «Смерть Валленштейна» (из драматической поэмы «Валленштейн»).

7.

Статья А. Никитенко «Елисавета Кульман» опубликована в «Библиотеке для чтения» (1834, т. VIII, отд. I). Автор писал о стихотворениях Кульман: «...здравая критика признает поэтическое достоинство ее творений и укажет им почетное место в отечественной словесности» (с. 66–67). Кстати, «Фантазия Тимофеева «Елисавета Кульман» посвящена Александру Васильевичу Никитенко.

8.

В «фантазии» Тимофеева в качестве действующих лиц, наряду с силами природы, с цветами, растениями, участвуют и «три ворона» (в «сцене третьей»). Ср. также стихотворение «Отверженный» в рецензируемой Белинским книге Тимофеева «Песни». Во второй части «Песен» (СПб., 1835) помещено стихотворение «Ворон».